

18+

Сергей Малайкин

Смерть Семенова

Реквием в четырех частях
с прелюдией и финалом

Сергей Малайкин

**Смерть Семенова.
Реквием в четырех частях
с прелюдией и финалом**

«Издательские решения»

Малайкин С.

Смерть Семенова. Реквием в четырех частях с прелюдией
и финалом / С. Малайкин — «Издательские решения»,

**НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ,
ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ
ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН
И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ
ОТВЕТСТВЕННОСТЬ.** В некотором царстве разрешили эвтаназию. За новой
услугой граждане могли обращаться в специальные клиники. У процедуры
была секретная часть — кресло с человеком, покидавшим этот мир,
соединялось с другим, где был некто, желавший продлить свои годы. Однажды
в первом кресле оказался главный герой. С этого начинается книга.

© Малайкин С.

© Издательские решения

Содержание

Прелюдия	6
Часть 1. Олег	12
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Смерть Семенова Реквием в четырех частях с прелюдией и финалом

Сергей Малайкин

© Сергей Малайкин, 2026

ISBN 978-5-0069-9827-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

От автора

Действие разворачивается в тридесятom государстве. Возможные совпадения в именах, названиях или сюжетных линиях полностью случайны. Сюжет является плодом воображения автора. Догадки или гипотезы уважаемых читателей по поводу сюжета автор заранее признает не соответствующими действительности.

«Не люб я тебе, красавица?

Так вот тебе мое заклятие — будешь спать вечно!

Только тогда ты проснешься, когда умру я.

А я — бессмертен».

«Кашей Бессмертный».

Реж. Александр Роу.

Союздетфильм, 1944 г.

Прелюдия *Tranquillo*

— Дышите спокойно. Сжимайте и разжимайте кулак. Вот так.

— Хорошо.

Медсестра插插ила иглу в проступившую вену. Прозрачный катетер тянулся куда-то вверх.

— Это лекарство?

Семенов знал, что в клинике по уходу не принято называть вещи своими именами и сам включился в эту игру. Услуга именовалась помощью, препарат — лекарством, а расположенный в подвале морг значился как депозитарий. Лицемерие не было новостью — в жизни его хватало с избытком. Но кто бы мог подумать, что лицемерие настолько зашкаливает и в смерти?

Медсестра проигнорировала вопрос.

— Правую руку положите на джойстик прерывания. Указательный палец на клавишу.

Он ощутил холод металла в правой ладони. Клавишей медсестра назвала металлическую кнопку. Подушечка пальца поместилась в удобное ложе.

— Левую руку опустите на блок подачи.

— Еще не подается?

— Пока в вену поступает физраствор. Подачу всегда открывает клиент, но лекарство попадает в кровь не сразу. Нажатием вы запускаете генератор случайных чисел, который определяет момент инъекции в микросекундах. Таким образом, клиент инициирует процесс, но не определяет конкретный момент введения лекарства.

Случайность инъекции по закону позволяет не рассматривать процедуру как акт суицида. И еще. Вы не ощутите боли. Мы не зафиксировали ни одного случая болезненных ощущений.

Будет произведено 10 впрысков. Во-первых, это исключает болезненные ощущения. Во-вторых, у клиента есть шанс на приостановку процедуры. Напоминаю, вы подписали документ о том, что это ваше осознанное решение, принятое в здравом уме и твердой памяти, исполненное лично вами. Вы несете полную ответственность за его последствия. Мы по документам оказываем вспомогательные услуги, включая транспортировку до места проведения ритуальных мероприятий.

Он опустил левую руку на блок. Пальцы нащупали рычажок.

— Итак, вы открываете подачу левой рукой, блокируете правой. Запомнили?

— Легко запомнить, — сказал Семенов. — Она ведь за левым плечом стоит, верно?

— Вы про кого? — спросила медсестра. — Кроме меня, в процедурной никого нет.

Семенов понял, что в ее сознании он уже был предметом. Говорящим предметом. Впрочем, это временно.

— Неважно, — сказал он небрежно. — Это метафора.

— И еще один момент, — бесстрастно продолжила медсестра. — Кресло непрерывно мониторит параметры организма. При существенных отклонениях впрыски блокируются. Резко повысилось давление, чрезмерно участился пульс, неконтролируемо пошел адреналин, начались другие панические проявления — впрыски блокируются.

— Лекарство не работает при отклонениях?

— Лекарство работает. Но наступление острой паники может свидетельствовать о нежелании продолжать процедуру. Если родственники докажут, что клиент в последний момент передумал, то наши действия будут квалифицированы как неоказание помощи или даже убийство. Это очень большие компенсационные выплаты. Поэтому самочувствие клиента фиксируется вплоть до вывода параметров на плато.

Вывод параметров на плато. Вот как элегантно можно обозначить состояние трупа. Во рту заныл воспалившийся зуб. Ничего, потерпи, скоро мы тебя вылечим.

— Для исключения панических проявлений у нас есть маленький безвредный секрет. Для начала мы вместе с физраствором вводим препарат, повышающий уровень дофамина в крови. Он уже поступает через катетер. Через минуту вы почувствуете безмятежный покой и полную умиротворенность. Это укрепит вашу решимость провести процедуру как задумано.

— Разве наркотик не влияет на мою осознанность?

Медсестра не ответила.

— Как я сказала, лекарство поступает не сразу. У вас есть три минуты, чтобы все как следует обдумать. Некоторые клиенты в течение этого времени меняют свое решение. Это их право, но в этом случае они возмещают расходы клиники. Прошу вас ознакомиться со сметой. Это приложение к подписанному вами договору.

Перед глазами Семенова возник бланк с логотипом и убористо заполненной таблицей. Под таблицей значился итог. Он выглядел пугающе, но это не имело значения.

— Я не передумаю.

— Что бы вы ни выбрали, это ваш осознанный выбор.

— Я должен это подписать?

— Да.

Семенов подписал.

— В течение какого времени параметры клиента выводятся на плато?

— В норме на это требуется не больше семи-восьми минут. Отклонения бывают, но редко. Ваши анализы показывают, что вы уложите в норму.

— Кто вам платит, если клиент... идет до конца?

Медсестра равнодушно пожала плечами.

— Как кто? Государство.

— Гуманно, — заметил Семенов. — Что значит социальное государство. Ведь оно могло сделать услугу платной. Или предложить под нее кредит с господдержкой.

— У нас есть и платное отделение, — возразила медсестра, игнорируя сарказм Семенова. — Это может показаться смешным, но люди покупают. Не всем выделяют квоту, как вам.

В дверь деликатно постучали. Вошел Агент, лучезарно улыбнулся Семенову, присел на краешек стула. Он был при параде — черная пиджачная пара, безупречно белая сорочка в тон кафелю процедурной, брюки с идеальными стрелочками и надраенные до блеска антрацитовые штiblеты. Горящие светильники солнцами вспыхивали в его очках. Медсестра не обратила на Агента никакого внимания.

— Вы что, прямо здесь будете сидеть? — спросил Семенов.

— Обязан лично присутствовать. Все в рамках наших договоренностей.

— Но я же еще... даже не нажал.

— Я вас ни в коем случае не тороплю.

— Я тороплю, — вмешалась медсестра. — Самое главное не успела сказать из-за него, — кивнула она на Агента. — У вас на все про все 20 минут. Если ничего не происходит, по истечении этого срока мы отменяем процедуру, выписываем вас из клиники, и, соответственно, требуем оплатить счет. Ждать мы не можем. Процедура расписана, да и кресло дорогое.

— И что, время уже пошло?

— Обратный отсчет я включу сразу после окончания инструктажа. Вы услышите звуковой сигнал. На стене напротив вас загорится табло с секундомером. У вас есть что сказать? — медсестра обратилась к Агенту.

— Ну, что же, — оскалился Агент, выставив худой кадык. — Надеюсь, все у нас с вами пойдет по плану. Мой клиент очень, очень на вас рассчитывает.

Произнося последнюю фразу, Агент всем корпусом подался вперед. Сейчас он еще больше напоминал хищную птицу. Его худые длинные руки разошлись в стороны, изображая радушие, как если бы Агент приглашал Семенова к накрытому столу.

— Ясно. — Семенов отвернулся. Нет, весь я не умру. Моя старушка печень мой прах переживет и тленья убежит. И еще послужит кому-то. Этот кто-то сейчас не может дойти до туалета, но у него есть деньги. Этот обездвиженный житель Олимпа прислал к Семенову своего ручного ястреба. Обходительного, вежливого ястреба — не чета тому, что клевал печень Прометею.

— Прощайте, — дверь процедурной бесшумно закрылась за медсестрой.

Раздался резкий звуковой сигнал и напротив Семенова вспыхнуло табло — двадцать, двоеточие, два нуля.

Говорят, в последние минуты перед глазами проносятся вся жизнь. 19:59. 19:58. 19:57. Он убрал правую руку с джойстика, прикрыл глаза и надавил на рычажок подачи.

***

Еще предыдущее Первое Лицо перед своей внезапной кончиной подписало закон номер такой-то о порядке добровольного ухода граждан из жизни. Об эвтаназии.

Обсуждение эвтаназии уже некоторое время шло в обществе. Все началось с предложения некоего депутата о возможности... в порядке исключения... в отдельных областях... в качестве эксперимента... Пресс-секретарь Первого Лица, человек обычно невозмутимый и ироничный, дал депутатской инициативе яростную отповедь. Отдельные яркие речевые обороты его филиппики (такие, как «провокационный бред») навели на мысль о том, что идея чрезвычайно быстро получит поддержку. Так оно и вышло.

Скоро дискуссия набрала обороты, разделив общество на два непримиримых лагеря. Страсти закипели. В теледебатах оппоненты, сорвав голос, бросали грузные тела в рукопашную. Некий прогрессивный политолог, выступая на популярном ток-шоу, прилюдно высморкался в кафтан ортодоксального активиста, после чего хоругвеносные ночные байкеры побили все окна в шестикомнатной квартире гуманитария. Главный церковный иерарх выступил с проповедью о том, что одна только мысль об эвтаназии есть внушаемый дьяволом соблазн и пообещал анафематствовать каждого, кто выступит в поддержку нового начинания.

Популярные врачи говорили о нарушении клятвы Гиппократова. Юристы указывали на неразрешимые правовые коллизии. Звезды развернули селебрити-движение #будемжить и #доживудоста, до краев залив соцсети боди-позитивом. Кладбища дебатировали вопрос о легальном принятии на баланс прошедших процедуру (а отдельные дальновидные люди в парламенте уже занимались землеотводом под будущие спецкладбища).

Сеть заполнили расследования моральных последствий эвтаназии в тех немногих странах, где она применялась — таких, как наркотики, депрессии, разобщенность, нравственное разложение. И даже суицид. Связь эвтаназии с суицидом была настолько вызывающе абсурдной, что смутила бы даже Геббельса, но только не упитанных штатных сотрудников государственной пропаганды.

Словом, все индикаторы общественной жизни указывали на то, что эвтаназии — быть.

***

Раннее детство хранилось в памяти Семенова в виде разрозненных плохо сфокусированных слайдов без дат и подписей.

Вот кадр из поликлиники: скажи «а», холод ложечки во рту, внимательные глаза медсестры напротив, а в окно кабинета стучатся широкие кленовые листья.

Вот он идет со взрослыми через необъятное пыльное поле к самолетику. Отец назвал его смешным словом «кукурузник», и смех выпрыгивал из Семенова, никак не заканчиваясь.

Вот они с дедом плывут куда-то на деревянной лодке и Семенов с кормы на секунду опускает в прозрачную воду ногу — дед, у меня на ноге водяной носок. Ну и второй надень, говорит дед.

Более поздние слайды — совсем другое дело. Разложенные по ящичкам с ярлычками «школьный класс такой-то», «болезнь такая-то», «каникулы такие-то», они содержатся в относительно порядке. Как подзабытые фотографии в старом альбоме, они годами ждут повода для встречи. Иногда такой повод случается только с переездом.

***

Впервые Семенов увидел смерть в деревне.

В то лето отец взял его с собой и даже купил рюкзачок, в который поместились термос и короткие сапожки. Десантные! — сказал он, и Семенов прекратил скандал с требованием заменить их на кеды. Когда прибыли, Семенов обнаружил, что отец называет бабу Лушу «мать». Просто мать. Мы, мать, тебе с малым продуктов принесли. Пожаришь нам картохи, мать?

— Какая она мать, она бабушка, — сказал отцу Семенов.

— Кому бабушка, а кому и мать, — возразил отец.

Семенов задумался. Он понимал, что бабушка отцу мать. Это значило, что когда-то отец был как Семенов, а то и меньше. Получалось, его бабушка тогда выглядела молодо — как другие мамы с детьми. В такое верилось с трудом. Не означает ли это, что когда он станет как отец, его мама будет с виду как баба Луша?

Отец принялся колоть дрова, а Семенов взялся укладывать полешки в поленницу. Иди-ка проверь клубнику в огороде, сказал отец.

Огород заканчивался садом с яблонями, за которыми тянулся деревянный забор. Дальше начинался длинный спуск к речке, а на той стороне на возвышении темнела лесная гряда. Семенов решил назвать это место долом, потому что «там лес и дол видений полны». Лес виднелся вдалеке — значит, перед ним был дол.

Понаблюдав дол, Семенов решил испытать десантные сапоги по бездорожью и едва не наступил на лежавшую в некошеной траве кошку. В воздух поднялся целый рой мух. То, что это кошка, было понятно по свалывшейся серой шерсти и оскаленным зубам. Вот только она не зашипела и не бросилась от Семенова наутек.

Семенов присел на корточки, прикрыл нос рукой и присмотрелся. Внутри кошки копошились и извивались белесые личинки. Кошке не было больно — она лежала спокойно и безучастно, пока личинки ели ее, превращая то, что было кошкиным животом, в тошнотворную бурую массу. Да и не кошка это больше. Очертаниями — кошка, а внутри...

— Нашел что-то? — сзади незаметно подошел отец. Увидел, присвистнул. — Соседская. Баба Наташа ее потеряла, а она вон где. Не трогай! Пойду за лопатой схожу.

— Па, — прошептал Семенов, — а что это там у нее?

— Опарыши, — буднично сказал отец. — Черви такие.

Семенов помолчал, рассматривая невиданную им ранее форму жизни. Отец легонько подтолкнул его — ступай, дескать, но Семенов не двинулся с места.

— Па, — спросил он наконец. — А откуда они взялись?

— Из земли повыползли, — весело сказал отец, желая разрядить разговор, но Семенов был серьезен и даже строг.

— Они специально оттуда выползли, чтобы ее... — он хотел сказать «кушать», но это слово совсем не подходило для опарышей. «Кушать» — это хорошее, вкусное, радостное слово. То, что он видел, было отвратительно. Он еще не видел ничего отвратительнее. Он больше не хотел этого видеть, но не мог отвести глаз.

Отец вновь подтолкнул его — давай же, иди, побегай, поиграй, но Семенов нетерпеливо дернул плечом. Опарыши подтачивали не только кошку, но и его картину мира. Отец по своему обыкновению стремился все превратить в шутку, но Семенову было не до шуток. Он не знал, как примириться с увиденным.

— Па, — тихо спросил он наконец. — А что они будут делать, когда ее... доедят?

Он не это имел в виду. Как получилось, что это существует в его мире? Кто все это придумал? Неужели нельзя было придумать что-то получше? Вот что он хотел спросить.

— Ну... — отец почувствовал смятение сына и захотел его утешить, — когда они все доедят, они потом проголодаются и сами умрут от голода.

— Хоть бы поскорей все доели и сами умерли, — с чувством сказал Семенов и со всех ног бросился в избу.

Часть 1. Олег

Andante con dolore

Олег был на два года младше Семенова и жил в его подъезде этажом ниже. Это была непримечательная семья.

У каждой семьи есть какое-то главное свойство — вроде собственного неповторимого запаха, который встречает вас в прихожей. Врожденным свойством семьи Олега была незаметность. Не то чтобы остальные в доме вели себя шумно и развязно. Бывший зэк Валерка со второго этажа тоже обитал в своей квартире в целом тихо, но спяну порой заявлял о себе — затягивал блатную песню или включал телек громче обычного. Да я чтоб не вырубиться, виновато объяснял он потом. И вырубался под бубнеж диктора или речитатив футбольного комментатора.

Семья Олега и оказалась в их доме как-то незаметно. Прибыли в фургоне, быстро подняли скарб, закрыли за собой дверь и щелкнули замком. Семенов знал, что Олегов отец вроде служил в вохре, а мать работала в сберкассе — но не операционисткой, которая на виду, а где-то там внутри. Деньги считает, объяснила Семенову мама. Он удивился — разве есть такая профессия?

В дом они въехали, когда жилплощадь освободила умершая Олегова бабка, угрюмая набожная старуха с безобразной мясистой бородавкой под носом. Семенов боялся ее нелюдимой фигуры, а особенно — ее бородавки. Когда она умерла, то уставилась на него в упор, не мигая, с приставленной к подъездной двери красной гробовой крышки. В те три дня Семенов собирал всю волю в кулак, чтобы просто пройти мимо страшной крышки. Миновав темный предбанник подъезда, пулей летел на свой этаж. Когда ее наконец закопали, он не почувствовал облегчения. Будто и не покинула она их подъезд. Будто упокоилась не на городском кладбище, а прямо под ржавыми водопроводными трубами в их подвале.

Когда Олег впервые вышел во двор, он был еще просто Олегом. В тот день дворовая компания собралась у прудика, безымянного ввиду своих ничтожных размеров. Редкий двор в городе мог похвастаться пусть плохонькой, но собственной акваторией, поэтому местное сообщество водоем ценило и берегло. Когда в районной администрации возникла идея спустить воду, чтобы освободить место под гаражный кооператив, соседи сплотились, выдвинули инициативную группу и пруд отстояли. Зимой здесь общими силами устраивали каток, а летом дачного вида пенсионеры флегматично погружали в его неглубокие воды свои бесплодные удилища.

Пруд облюбовали городские утки. На безопасном удалении от берега дрейфовал расписной плавучий домик с семейством, успевшим к началу лета обзавестись выводком птенцов. Утиное жилище излучало сытое благополучие. На три стороны света смотрели ладные окошки с рукодельными резными наличниками и лакированными ставеньками, над двускатной крышей поднималась эрзац-труба, а вход украшала деревянная терраска с перильцами и плавным спуском, чтобы утята после купания могли самостоятельно выбраться из воды. В человеческом мире такой домик соответствовал бы вилле на первой линии с бассейном, широким балконом в морской закат и мраморными ступенями, сбегаящими к собственному пирсу.

Мальчик из соседнего двора принес к пруду чудом уцелевшего крохотного утенка, вовремя отбитого у ворон. Немедленно собрались любопытствующие и сочувствующие. Каждый тянулся рассмотреть, прикоснуться, погладить птенца, а лучше — поддержать в руках.

— Дай глянуть, — Семенов сложил ладони гнездышком. Утенок оказался невесомым. Он сделал обреченную попытку вырваться, но нежные перепончатые лапки негодились для борьбы на суше. Семенов вдруг ясно почувствовал хрупкость беззащитного существа, оказавшегося в полной власти злокозненного мира.

— Давай его в пруд. Пусть плывет к своим, — предложил кто-то из пацанов.

— Сможет? — с сомнением уточнил Семенов. Поколебавшись, опустил утенка в воду. Тот смог — живым корабликом направился к домику, резво перебирая крошечными лапками. От него потянулись, расходясь, игрушечные волны. Курсировавшая в отдалении утка гортанно вскрикнула.

— Задолбает она его, — изрек рыбак, наблюдавший сцену.

Утка устремилась навстречу, словно торопясь поскорее вернуть заблудшее чадо в семью. Дальше случилось непредвиденное. Замахав крыльями, птица подмяла птенца под себя. Со стороны казалось, что она пытается обнять его и прижать покрепче к своей груди. Тот исчез под водой и вынырнул откуда-то сбоку. Она опять опустилась на него, он вновь появился на поверхности и в отчаянии ринулся прочь, не разбирая направления. Скучившиеся на терраске утятя бесстрастно наблюдали за происходящим.

— Задолбает, говорю же, — пенсионер замахнулся удочкой и прибавил добродушно, — не ее это ребенок. Пошла, тварь.

Леска просвистела рядом с уткой. Взволнованно вскрикнув, та отплыла к домику. Сверху ответил селезень, рассекавший воздух над прудом. Утенок тем временем оказался у берега.

— И он туда же, — сухо заметил рыбак, кивая на селезня. — А зачем им лишний рот? Лишний рот им ни к чему. Так что без шансов, — заключил с усталым видом знатока, глядя из-под хмурых бровей мимо потерянного Семенова. Извлек из седой гусеницы усов пахучую папиросу, снял сандалии, деловито засучил брюки, ступил в мутную воду и выудил утенка из зарослей осоки.

— Поживешь пока на лоджии. Хуже, чем с тобой сегодня было, не будет, — с этим веским резюме опустил дважды спасенного птенца в застиранный полиэтиленовый пакет с термосом и неторопливо засобиравшись домой.

В эту самую минуту Семенов заметил новенького. Он уже знал, что того зовут Олег. Щуплый низенький паренек с полупрозрачной челкой стоял в сторонке, наблюдая за происходящим и не решаясь подойти ближе. Интересно, достанется ли ему бабкина бородавка, ни к месту подумалось Семенову. В следующую минуту Олега разглядывала вся компания.

— Это вы, что ли, переехали? — спросил, наконец, Андрюха Гость. Его фамилия была Гостев, но по дворовой привычке ее сократили до Гостя. Среди пацанов он был самым рослым и физически развитым. Новенький молчал.

— Сёма, из твоего подъезда? — этот вопрос был уже к Семенову.

— Олег это, — сказал Семенов.

— Друг твой? Олежек, ты чё, друг Сёмы? Знаешь Сёму?

Олег молча помотал головой, что означало — не знаю. Или — не друг.

— Чё молчишь, Олег? Скажи нам, кто ты, откуда. Мы вот пацаны местные. Я Андрюха, это Паха, это Саня, вон Сёма, друг твой. Да ты не бойсь, мы мирные пацаны. Ты же сосед наш. В футбол играешь?

Олег снова помотал головой.

— Во блин, — с досадой сказал Гость.

— Ссыт он тебя, — с усмешкой отметил Паша, он же Паха, до этого исподлобья наблюдавший сцену знакомства. — Ссыкло это.

— Ладно гнать, — миролюбиво ответил Андрей. — Нормальный пацан. Ты нормальный ведь пацан, Олежек? Чё у тебя там? Машинка? Пистолет? Покажи.

Внутренний карман курточки Олега заметно оттопыривался. Он испуганно прикрыл карман рукой.

— Да не ссы ты. Просто покажи. Если пестик, вместе постреляем в стену сарая — Гость подошел к Олегу и развернул пятерню у него под носом. — Давай, выкладывай пистон.

Олег в ужасе смотрел на ладонь Гостя, понимая, что она может накрыть всю его голову, как панама. Затем попятился и резко развернулся, чтобы дать деру, но Гость, смеясь, схватил его за воротник курточки.

— Куда же ты, Олежка-тележка? Ё-моё, давай сюда пистон. Я посмотрю и верну. Правда верну, отвечаю.

Олег обреченно извлек из внутреннего кармана какой-то сверток.

— Да не пестик это ни фига, — разочарованно сказал Гость. — Но пахнет вкусно! Пацаны, тут бутерброды. Олегу мамка котлет наделала, а он нам принес.

— Отдай! — неожиданно выкрикнул Олег и затрясся всем телом, вытянув вперед дрожащую руку.

Семенов поразился и этой руке, и искаженному лицу Олега и внезапному воплю. Крик был высокий, пронзительный, вибрирующий, девчачий. Пацаны разинули рты. Гость застыл в изумлении.

— А если не отдам? — мягко поинтересовался он. — Ща возьмем и съедим с пацанами твои бутеры. Ты что тогда сделаешь, Олег?

И тут случилось непоправимое. Все так же держа перед собой вытянутую руку, Олег запричитал со слезами.

Пацаны во дворе часто делали друг другу больно. Бывало, что выступали слезы. Игорек из пятого подъезда как-то сломал ногу, неудачно прыгнув с дерева. Он лежал на траве и ругался

взрослыми словами. На его лбу выступила испарина, по бледным щекам бежали крупные капли слез — но это было не запаadlo. Но так, как плакал Олег, а главное, из-за чего он так плакал — это было запаadlo.

Гость молча вложил в дрожащую ручонку Олега сверток. Для верности прихлопнул другой рукой. Вытер руки о штаны. Поплевал на ладони и снова вытер их — на этот раз о курточку орущего Олега. Пошли отсюда, пацаны, сказал он, и пацаны молча пошли разминать мяч. Ну и друг у тебя, Сёма, насмешливо бросил кто-то, и Семенову стало стыдно, словно он сам только что в крик и со слезами зажал бутерброды. Какой он мне друг, огрызнулся Семенов, — опарыш белобрысый.

Олег некоторое время голосил перед опустевшим прудом, выкрикивая через сопливые всхлипы одну и ту же непонятную фразу. Казалось, она состояла из одних гласных:

— е-е-е-е-о.... у-е...у-а!

Семенов прислушался и вдруг понял. Мне же нечего будет кушать. Вот что это была за фраза. Мало-помалу Олег затих, а затем исчез со двора, как тень. С того случая его во дворе никто не называл по имени. Опарыш, и точка.

***

— Олечка! Иди сюда.

Он нехотя подошел к отцу, сидевшему на табурете нога за ногу. Тот потянулся сухой рукой. Горячая жесткая ладонь обхватила затылок. Притянул ближе.

— Ты чей, знаешь?

— Бывшев, — заученно сказал он, нагнув голову. От отца шел неприятный запах. От этого к горлу подкрадывалась тошнота.

— Бывшев, — повторил отец одобрительно. — А ну согни руку!

Он сгibal.

— Глиста, — пренебрежительно цедил отец. — Чё кипишуешь, малой? Смирно встать, в глаза смотреть. Старшой перед тобой.

Трезвый Бывшев-старший не обращал на ребенка внимания. Он приходил с работы, вешал на крючок фуражку, включал телек. Перед ним вырастала тарелка супа. Отужинав и изучив газеты, курил на балконе и отправлялся на боковую. Жить было можно.

Пьяный глава семьи замечал отпрыска и принимался за устранение пробелов в воспитании, допущенных Бывшевым-трезвым. В такие дни Олег был готов оказаться где угодно, лишь бы подальше от дома.

— Оставь ребенка, Толя, — вступалась мама. — Он не подконвойный.

— Аатставить, — рывкал отец. — Тут мужской базар. Ты мужик или не мужик?

Последний вопрос был к Олегу.

— Мужик, — шептал Олег.

— Не слышу!

— Мужик, — говорил он чуть громче, готовый расплакаться. Но было нельзя.

— Нееет, — не соглашался отец, трясая указательным пальцем. — Не Бывшев ты. Ваша это порода, мать, — снисходительно замечал он жене. — Тихие, чистенькие, плюнуть не в кого. И все-то у вас... хали-гали, сапоги-сандали.

— У вас зато все ровно, — вступала в перебранку мать. — Распушил павлином перья — Бывшев, Бывшев! Заладил, не заткнуть. Иди, сыночка, к себе, поиграй.

— Стоять, — Бывшев-старший не собирался сдавать диспозицию. Он переходил к воспитанию личным примером. Пример подавался в третьем лице.

— Олежка! А ты вообще знаешь, кто твой батя? Молчишь? Ну так разузнай, кто такой Анатоль Ваныч Бывшев. Тебе разложат как дважды три. Анатоль Иванычу потому что — что? Ответ правильный: у-ва-же-ни-е.

Твердый, как карандаш, указательный палец отца больно упирался Олегу в плечо, отмечая каждый слог.

— На работе вон спроси — Бывшев здесь кто такой? Начальник как таковой. К кому командир с вопросами? К Анатолю Иванычу. Я отряд держу так, что будь любезен, — перед носом Олега вырос жилистый кулак с татуированным солнцем, погружавшимся в бескрайнюю водную гладь. На фоне закатного светила застыл в прыжке северный олень.

— А тебя насадили как терпилу. В глаза смотри. Шакаленка чё включил, укачало? Ты Бывшеву сын или не сын?

— Сын, — Олега мутило.

— Говнюшок ты, а не сын. Ты чего тем местным сказал?

— Ничего.

— Ничеегоо, — обидно передразнивал сына начальник как таковой и суровел лицом, играя желваками. — А должен был поставить себя. По соплям им надавать, чтобы знали Бывшева.

Сухой отеческий кулак припечатал кухонную скатерть.

— Да я таких сявок... по зоне строим на кортах водил. Теперь они тебе знаешь, что скажут? Знаешь? — Палец снова уткнулся в плечо Олега. — Скажут, иди пасись у дальняка. Парашей, скажут, от тебя несет. И поделом тебе. С мылом не отмоешься.

— Да что ж ты такое говоришь, Толя, — вступилась за сына мать. — Там же бандит на бандите, клейма ставить негде. «По соплям надавать»? Вот иди и надавай.

При всех разногласиях отец с матерью сходились в том, что половина их дома по-хорошему должна бы сидеть, а вторая половина — носить первой передачи.

— Не по чину за него впрягаться, — возвысил голос глава семейства. — Я как слез с горшка, сам за себя разруливал. А ты мотай на ус, — назидал Бывшев. — Батя дело говорит.

Разговор всегда шел по одному и тому же плану — пьяно закошмарив сына, Бывшев-старший переходил к отеческому наказу.

— У бати почему уважение? Потому что он себя по жизни поставил. Считай сюда. Оклад сто тридцать чистыми. Праз. Выслуга капает — два. Квартальная — вот тебе три. Ну?

Перед носом Олега один за другим загибались сухие узловатые пальцы с выщербленными ногтями.

— Пайковые — четыре. Считаешь? Тринадцатая в конце года — пять. А? Не слышу. Пенсия в сорок пять — шесть. Как тебе? Учись, сосунок. В школе так не выучат. Униформа казенная зимняя и летняя — вот тебе семь. Сапоги, ботинки — будь любезен. А отпуск 40 дней забыл? Говори, забыл?

— Не забыл, — мотал головой Олег.

— А пансионат ведомственный учел? А северные посчитал? А командировочные? Ты считай, считай, спиногрыз. Пальцев тебе не хватит сосчитать, сколько батя вот этими руками... А ты терпили мне включаешь. Смотри, себя не поставишь, загонят под шконку. Там и просидишь всю жизнь.

В дверь позвонили.

— Открой там, мать, — крикнул отец. — Кого еще принесло? Куда пошел? Стоять смирно! Что, команда вольно была? Пойдешь, когда батя прикажет.

В прихожей глухо зазвучал посторонний мужской голос. На кухне показалась растерянная мать Олега.

— Толя, там милиция... Спрашивают, глава семейства дома ли?

В прихожей стоял лейтенант.

— Участковый оперуполномоченный такой-то, — представился офицер. — Вы хозяин квартиры? — обратился он к отцу.

С Бывшевым-старшим произошла удивительная метаморфоза. Забыв про сына, осанистый носитель гордой фамилии вдруг ссутулился, уменьшившись в размерах. Олег с изумлением наблюдал эту перемену.

— Так точно, — кивнул он робко.

— На документы могу взглянуть? Пройти разрешите? — милиционер кивнул в сторону кухни.

— Да-да, конечно, — очнувшись, зачастил отец. Кивая, показал рукой в кухню и тут же суетливо побежал туда первым. — Нет-нет, не снимайте, так проходите, — запротестовал он.

— Кто эти люди? Родственники? — кивнул милиционер на Олега с матерью.

— Так точно, родственники, — с готовностью подтвердил отец. — Жена, сын. Чайку будете? Вы не сомневайтесь, гражданин начальник, у нас документики в порядке. Прописочка имеется. Все как положено. Принеси паспорта, — крикнул он жене, а та уже сама бежала к шкафу с документами.

— Что же это вы, гражданин Ефимов, вовремя не отмечаетесь? — укоризненно обратился милиционер к отцу. — Встали на путь исправления, так уж идите, не сворачивайте. Вышли по УДО, так уж будьте любезны.

— Виноват, гражданин начальник. Ошибочка вышла — сконфуженно пробормотал отец.
— Не Ефимовы мы. Бывшевы мы.

Жена разложила перед гражданином начальником красные книжечки.

— Тааак, — удивленно сказал милиционер, раскрыв паспорт отца. — То есть, вы не Валерий Ефимов?

— Никак нет, — с готовностью отозвался отец.

— Как же так, — офицер извлек из планшета сложенную вчетверо бумажку. — Это ведь квартира 17?

— Так точно, — подтвердил отец. — Семнадцать. Вытянув шею, он заглянул через плечо офицера в бумажку, исписанную от руки. — А тут, я так думаю, написано «одиннадцать». Просто вторую единичку написали как семерку.

— Ну точно. Там зэк какой-то живет в одиннадцатой. Это на втором этаже — отозвалась жена.

— Извините, — офицер встал, — вышла накладка. Прошу прощения за беспокойство. Я новый участковый, еще не успел со всеми познакомиться.

— Ничего-ничего-ничего, — снова зачастил отец. — Хорошо, что пришли. Заходите еще, всегда рады. Живем мы в соответствии. Не нарушаем. А если и это, — он показал ладонью на горло, — то в меру и тихонечко.

— Ну, если в меру и тихонечко, то можно, — успокоил отца мент. Тот захихикал, закивал и побежал открывать перед офицером дверь.

— Вы только обратите внимание, товарищ участковый, — заговорил он уже на пороге. — Крайне сомнительная публика у нас в подъезде. Не только этот зэк, хоть бы посадили его поскорее. Я бы тут много кого пробил. Вы уж возьмите на карандаш. Первый подъезд. И другие тоже.

— Буду иметь в виду, — сказал участковый неопределенно и направился вниз.

Отец проводил его взглядом и осторожно прикрыл дверь. Бывшев-младший наблюдал за Бывшевым-старшим исподлобья.

— Чё zenки вылупил, говнюк, — рявкнул старший на младшего, — а ну марш спать! — И для придания своим словам веса по-взрослому отвесил сыну затрещину.

Затылок будто огнем вспыхнул. Олег взвыл и бросился в свою комнату. С ним случилась истерика. Накрыв голову подушкой, он орал в другую. Крупная дрожь сотрясала все его тело.

Незаметно вошла мать, опустилась на кровать рядом. Он постепенно затих, но трясло его по-прежнему. Я стану, повторял он. Я стану милиционером. Я заберу его. Я отвезу его в тюрьму.

Станешь, говорила мать тихо и убежденно. Обязательно станешь. Будешь большим начальником. Он сам приползет к тебе. Ботинки твои целовать будет. Все они приползут на брюхе, сынок. Все так и будет. И гладила его по голове.

Ночью, успокоившись, он пробрался в ванную и долго, долго, долго намыливал руки с мылом. Смывал, придирчиво нюхал и снова намыливал, и снова смывал, пока не осталось на них никакого человеческого запаха. Ничего, кроме свежего мыльного аромата.

***

Олег нечасто показывался во дворе. О том, чтобы присоединиться к пацанам, не могло быть и речи. Выйдя из подъезда, он молча и быстро сворачивал за угол, чтобы попасть на оживленную улицу. Двор с его обидами оказывался позади.

Гость со товарищи его не замечали. Он словно сделался стеклянным. Толкнув подъездную дверь, иногда встречался с кем-нибудь из них взглядом — но в следующий момент видел только равнодушный затылок.

Он ненавидел и прилипшее к нему новое прозвище, и Семенова, и свой статус, определенный Гостем. Если бы они заговорили с ним, Олег бы все объяснил. Он не трус, но испугался. По словам матери, все они будущие преступники и скоро отправятся на зону валить лес. Матери он верил. Но она не научила его правильному общению с преступниками, пусть даже будущими. Спрашивать отца ему не пришлось бы в голову. В крохотном мирке Олега отец заведовал адом.

Отец охранял какой-то «объект» и раз в неделю уходил на целые сутки. Возвращался домой ранним утром следующего дня, стуча сапогами и распространяя запах гуталина и табака. После дежурства был он трезв, мрачен и всегда при кобуре под кителем, пристегнутой к широкому ремню. В другие дни кобуры при нем не было. Заспанные мать с Олегом непременно дожидались его в прихожей — так было положено. Домочадцы должны встречать усталого кормильца у родного порога. Глава семьи чтит ритуалы и умел потребовать от подчиненных ему жены и сына должного уважения.

— Это настоящий? — не удержавшись, спросил как-то Олег, глядя на кобуру.

— Отставить вопросы, — не оборачиваясь, холодно буркнул отец. Стоя у зеркала в прихожей, он приглаживал ладонями жидкие волосы, пытливо вглядываясь в отражение. Сейчас ловко отстегнет кобуру, отрывисто прикажет матери «убери», и та понесет ее в большую комнату прятать в ящике комода, а начальник семьи отправится на кухню недовольно завтракать. Затем, повеселев, произнесет непонятное «ну, теперь шило в стену — и на боковую» и на весь день закроется в спальне, наглухо задернув шторы. Шуметь в эти часы было себе дороже. Олег и не шумел.

— Убери, — одним движением отстегнув кобуру, отец передал ее матери. Служебное оружие исчезло в ящике бабушкиного комода, запиравшегося на ключ. Ключ мама опустила в карман халата, но Олег знал, что его обычное место — в хрустальной сахарнице, вместе с булавками, пуговицами и мотками ниток. А на следующий день пистолет исчезнет — отец сдаст его в оружейную комнату у себя на службе.

В один из таких дней, когда мать ушла на работу, Олег вытащил ключ из сахарницы, открыл и выдвинул ящик комода. Кобура лежала под бумагами, прикрытая кухонным полотенцем. Он провел ладонью по гладкому кожаному боку, затем взялся за кобуру — она оказалась неожиданно тяжелой. Поднес ладонь к носу и вдохнул, ощущая густой запах кожи, металла и

смазки. Это был приятный запах. Сдвинув бумаги в сторону, потянул тугую металлическую кнопку. Кобура открылась. Внутри холодно блеснул ствол.

Олег почему-то не сомневался, что пистолет в кобуре был самый настоящий. Наверное, именно такими в кино убивают бандитов. Неуверенной рукой он потянулся к стволу и дотронулся пальцем до гладкого металла.

Хлопнула дверь на лестничной клетке. Волна ледяного ужаса накрыла Олега с головой. Он захлопнул ящик и отшатнулся. Вдруг проснется отец? Вместе с паникой его внезапно посетила новая, совершенно невозможная мысль.

Пока пистолет у него, отец не сможет его обидеть. Пока пистолет в его руках, их силы равны. Нет! Олег гораздо сильнее.

Он прислушался. Тишина. Медленно, словно под гипнозом, потянул на себя ящик и извлек оружие из кобуры. Это оказалось совсем просто. Рифленая рукоятка с пятиконечной звездой удобно легла в ладонь. Гладкий, черный и пугающе холодный, пистолет оттягивал руку. Нужно очень постараться держать его так, как это делают в кино взрослые. Может, взять двумя руками?

Предмет в его руках излучал невиданную силу и опасность. Олег подошел к окну и прижал пистолет дулом к стеклу. С высоты четвертого этажа летний двор был как на ладони. Ни одна рогатка не добьет до вон тех высоких тополей, не говоря уже о кирпичном здании котельной за ними. А пистолет достанет запросто. От него не скрыться ни на дереве, ни в пестрых детских теремках, ни в густом кустарнике, окаймлявшем футбольную площадку.

Олег никогда прежде не чувствовал ничего подобного. Мысль о том, что отец застанет его с пистолетом в руках, внушала неопишуемый ужас, но внезапное и непривычное сознание собственного могущества вызывало восторг. И восторг побеждал. Опарыш, говорите? Тут он увидел Семенова, слонявшегося вдоль футбольной площадки. Половина приятелей разъехалась на каникулы, и оставшийся без компании Сёма скучал.

Семенов обошел площадку, толкнул ногой карусель, затем уселся в качели и стал раскачиваться, поминутно поглядывая на окна Гостя. Тот недавно крикнул с лоджии, что сейчас выйдет, но все не выходил.

Раскачиваться было скучно, и тут Семенов вспомнил, что вчера на задворках рабочие установили сварной гараж. Гулкий металлический дом для чьего-то авто оказался замечательно высоким. Идея подкараулить Гостя на самой вершине нового сооружения показалась Семенову удачной.

Гаражи располагались в глухой части двора. Семенов представил, как Гость выйдет и станет озираться по сторонам, а он некоторое время будет смотреть на него с крыши нового гаража. Потом свистнет. Гость не поймет, откуда свист и крикнет — Сёма, где ты там? Семенов дождется, когда он повернется к нему спиной — и снова свистнет.

Рисуя себе эту мизансцену, Семенов подпрыгнул и попробовал уцепиться за край сетчатой ограды, к которой примыкал гараж — но не рассчитал, повис на пальцах, смешно елозя

ногами по сетке, и после минутной борьбы с гравитацией неловко соскользнул вниз. Обернулся, чтобы убедиться, что никто не видел его фиаско. И замер. Перед ним стоял Опарыш.

Он был в той же голубенькой курточке. И курточка эта оттопыривалась даже больше прежнего, как будто Опарыша снабдили котлетами сразу на целый день.

— Ты чего? — Семенов был ошарашен, но вид на себя напустил невозмутимый и тон выбрал самый вызывающий. — Котлет принес? Давай сюда.

— Не котлет, — Опарыш был бледен и выглядел напуганным. Он всегда такой, что ли? — неприязненно подумал Семенов.

— Пистолет, — помявшись, добавил Опарыш едва слышно.

— Выкладывай, — распорядился Семенов, деловито отряхивая штанину, — постреляю.

Опарыш помотал головой. В его глазах стоял ужас.

— Нельзя, — сказал он наконец.

— Чего нельзя? — подозрительно спросил Семенов.

— Он... настоящий, — выдохнул Опарыш после паузы.

— Покажи, — недоверчиво потребовал Семенов.

Опарыш медленно извлек из-за пазухи завернутый в тряпку предмет и, поколебавшись, протянул его Семенову.

— Фигасе, тяжелый, — сказал Семенов, разворачивая тряпку. Под ней действительно оказался пистолет.

Это был невиданный пистолет. Ни одна из игрушечных стрелялок, прошедших через руки Семенова, и близко не выглядела настолько мощно, страшно и удивительно совершенно. Семенов ощутил настоящий восторг, вот только открыто выразить свое восхищение не мог. Опарыш «запомоился» и теперь дворовая этика предписывала окружить его стеной молчаливого презрения. Играть с ним означало запомниться самому.

Был, правда, еще вариант по-соседски «вписаться» за него перед пацанами. Заступить, растолковать, что произошло недоразумение, и поручиться, что впредь ничего такого не будет. Вот только неловко было Семенову вписываться за Опарыша. Он живо представил Гостя, с ухмылкой слушающего его сбивчивые доводы. В голове зазвучали насмешливые слова — что, Сёма, заднюю включил? Ну как, пацаны, раскоронуем Опарыша обратно в Олега? Вон Сёма на полной задней за него вписывается. И решил — да ну его.

— Подделка, — сказал он как можно равнодушнее. — И не стреляет как пить дать. Ты сам-то хоть пробовал? Да где тебе.

Он медленно надавил на курок, как это делали хладнокровные и бесстрашные герои вестернов. Переложил пистолет из одной руки в другую и свирепо выдвинул нижнюю челюсть, изображая американского не то ковбоя, не то шерифа. Затем направил ствол на Опарыша. Олег увидел черное круглое отверстие, нацелившееся ему в грудь. Смотрел и не мог отвести глаз.

— Чё, зассал, бледнолицый червь? — снисходительно процедил Семенов сквозь зубы и сплюнул. — Это земля гуронов, поэтому ты — покойник, — объявил он и нажал на спусковой крючок.

Пистолет сухо щелкнул. Олег резко зажмурился — так сильно, что зашумело в ушах, а перед глазами вспыхнули разноцветные круги. Ему привиделась огненно-красная черта, полыхнувшая между ним и Семеновым, перечеркнувшая мир надвое. Мальчик с пистолетом в руке стоял на одной стороне, он — оказался на другой, а посередине разрасталась пропасть. Медленно разлепил веки. Его била дрожь.

— Сёма! Ты где там, брателла? — неся с площадки зычный голос Гостя.

— Обделался, бледнолицый? Я же говорю, подделка. Давай, забирай свою пукалку и вали к мамке. Только палишь меня перед пацанами. Стой! Я первый пойду. Не хватало, чтобы Гость меня с тобой увидел.

Холодно и твердо отчеканив эти слова, Семенов ушел. Вышел из-за гаражей и замахал обеими руками Гостю, но бывшая радостная беспечность куда-то улетучилась. Он шел в коробку и злился от неловкости, возникшей неведь откуда из-за этого... Олега.

Все с этим Олегом вышло неладно и от этого на душе Семенова скребли кошки. Пистолет, конечно, был ненастоящий, но выглядел убойно. Его не хотелось выпускать из рук. Любой бы подтвердил, что Олег предлагал дружбу. И если бы не Гость, Семенов повел бы себя иначе.

Семенов точно знал, что пистолет восхитил бы и Гостя. Опарыш наверняка заслужил бы индульгенцию. Он стал бы в глазах Гостя таким же, как Семенов. Или даже ближе — ведь у того никогда не было такого пистолета. Семенов испугался за свое положение в дворовой иерархии, но ни за что не признался бы в этом даже себе самому.

Кстати, а где он взял этот пистолет? Кажется, опарышев отец служил в вохре. Что, если отцу положено служебное оружие, а Опарыш его просто стащил? Вдруг пистолет и правда настоящий? На секунду Семенов пришел в ужас. Да ну, нет. Настолько лихой поступок решительно не совмещался с образом забитого паренька с полупрозрачной челкой. Сто процентов этот пистон — муляж типа тех, что висят в школьном кабинете начальной военной подготовки. И все-таки не нужно было целиться в Опарыша.

Такие мысли проносились в голове Семенова, пока он перелезал через бортик хоккейной коробки, в центре которой Гость отрабатывал хитроумные финты. Мастерски подняв мяч в воздух, он с лету переправил его по дуге Семенову, а тот расставил руки и отбил пас головой, в одно касание вернув его партнеру — и через минуту начисто забыл и про Опарыша, и про пистолет, а главное, про сухой щелчок, так неожиданно и неприятно царапнувший его изнутри. Что-то страшное должно было случиться и почти случилось, но крохотная осечка в последний момент отсрочила непоправимое и неизбежное. Ну и проехали.

А Олег некоторое время сидел на досках за гаражом с пистолетом в руках. Ты — покойник, звучало в нем. Так вот как это бывает. Просто наставляешь пистолет на человека. Просто взводишь курок и жмешь на крючок. И вот он покойник. Мир спокойно живет дальше, теперь уже без него.

Его больше не колотило. Страх растворился. Может быть, отец уже проснулся, залез в ящик и обнаружил пропажу. Если это так, трудно было представить себе наказание, ожидавшее его дома. Только теперь Олегу было все равно. Словно какая-то его часть, до немоты боявшаяся отца, внезапно умерла.

Он завернул пистолет в тряпку, сунул за пазуху и пошел к своему подъезду. Во дворе не было никого, кроме Семенова с Гостем, стучавшими мячом в коробке. Те не обратили на него ни малейшего внимания.

***

Этим утром отец был особенно мрачен. Шагнув в прихожую, распространяя вокруг себя предгрозовое напряжение. Тяжело ступая, прошел к шкафу, повесил фуражку, угрюмо снял казенный китель, отстегнул и молча передал матери кобуру.

— Что сказал начальник? — спросила мать. Отец не ответил. Отбыв несколько положенных по протоколу минут в прихожей, Олег незаметно ушел в свою комнату. Постоял у окна, разглядывая спешащих вдоль улицы прохожих. Уселся за стол, на котором была разложена игра-ходилка, и подбросил кубик.

Две фишки, красная и зеленая, двигались по причудливому лабиринту к сундуку с золотом, схороненному глубоко в погребе. Крышка сундука была распахнута и таинственное золотое сияние озаряло кирпичные своды. Он двигал поочередно обе фишки, но болел за красную. На пути к богатству конкурентов поджидали опасности — ямы-ловушки, крючконогая ведьма, вооруженные злодеи и тюрьма с зарешеченным окошком. Была даже клетка, возвращавшая игрока на старт — она не нравилась Олегу пуще прочих напастей.

За стеной глухо и отрывисто зазвучал голос отца, выговаривавшего матери. Это не предвещало ничего хорошего. Лучше бы он просто шел на кухню есть, подумал Олег. А затем — спать.

Голос в спальне продолжал недовольно и глухо бубнить свое. Мать в таких случаях обычно не перечила, а то и поддакивала, гася пожар конфликта в зародыше. Но сегодня она ворчливо парировала, вполголоса возражая мужу. Они даже ругались на полутонах. Олег приник ухом к стенке.

— Да ты на себя посмотри. Обвели же тебя, придурка, вокруг пальца, обставили. Сколько он работает и сколько ты? Самому не смешно за копейки сутками ишачить? Давай ишачь дальше. Видать, нравится тебе.

— Ты берега попутала? — шипел в ответ отец. Голос он повышал исключительно спьяну. — Вона как заговорила? За копейки? Да я тут содержу вас, захребетников. Жрете мой хлеб в моей же площади. Щас мигну — и назад пойдешь в общагу. Мать-покойница верно говорила, приютил змею, ну так жди укуса.

— Ой, напугал, — горячо и насмешливо шептала мать. — В мамкиной квартире да мамкиным умом, да сорок лет в обед. Я тут Бывшев, я без пяти минут над вами командир... Десять лет сидишь на жопе ровно, и все без пяти минут. Тьфу, тошно. Сама уйду. Вот же вышла за сморчка, прости господи.

— Ты чего там вякнула, дурища? — зло и тихо процедил отец.

— Чего слышал, придурок недоделанный, — отвечала мать. — И не вякаю, а говорю, а если не понял, так еще раз повторю.

— Щас ты у меня поймешь с первого разá, — проговорил отец. Глухо раздался удар. Мать охнула. Олег отпрянул от стены, но вновь приник к ней.

— Щас тебе дойдет внятно и понятно, — повторял отец. Удар. Еще удар. — Растолкую в лучшем виде. Ссука драная.

Хлопнула дверь. Матерясь под нос, отец ушел на кухню. Сдавленное рыдание матери, доносившееся из спальни, леденило душу Олега. Внезапно и стремительно оно переросло в истерический хохот — приглушенный подушками и невыразимо страшный. Олег стоял под дверью спальни, не решаясь войти.

— Давай, давай, посмейся, сука — бормотал отец из большой комнаты, включая хоккей. Звякнул стакан.

Олег нажал на дверную ручку. Мама лежала, кутаясь в одеяло, как будто в комнате стоял минус. Она по-детски зарылась лицом в подушки. Скомканное покрывало некрасиво сползло на пол. Он подошел и стал неловко гладить подрагивающее плечо.

— Сынок, — повторяла мама, не поворачивая головы. — Сынок, сынок.

Он неуклюже гладил ее по молочно-белому плечу и светлым волнистым волосам, пока ее дыхание не успокоилось.

— Иди к себе, сынок, — проговорила она наконец. — Иди, мой хороший. Я полежу немного и встану.

И лишь плотнее закуталась в одеяло.

Он вышел. В большой комнате телевизор частил голосом известного комментатора. По экрану в погоне за невидимой шайбой метались фигурки наших и не наших. В кресле перед телеком сидел отец, уронив голову на грудь. Глаза его были закрыты. На столике справа стояла недопитая бутылка водки, накрытая граненой стопкой.

Олег вынул из сахарницы ключ, открыл ящик, отщелкнул кобуру и вытащил пистолет. Оглянулся на фигуру в кресле. Водка и бессонная ночь сделали свое дело — отец отключился напрочь. Черты лица его обмякли, сделались вялыми. Жесткие губы изогнулись в гримасе горького разочарования. Из уголка безвольно приоткрытого рта протянулась вниз паутина слюны. Олег тихо задвинул ящик, подошел вплотную, приставил пистолет к отцовскому виску и нажал на крючок.

Пистолет даже не щелкнул. Голова отца клонилась все ниже. Гол, радостно заорал телевизор. Олег застыл, но отец не пошевелился. Не может быть, что это подделка. Ну не ходит же он в охрану с подделкой.

Он стал рассматривать пистолет и сбоку на корпусе обнаружил маленькую скобку с рычажком. Она могла занимать одно из двух положений. С усилием надавил на рычажок, отправив ее в противоположное положение. Под скобкой обнаружилась ярко-красная точка. Красный — цвет опасности. Так их учили в школе. Внезапно и ясно вспомнил, что Семенов за

гаражами взводил курок. Сделал так же. Это было совсем просто. Снова приставил пистолет к виску.

Из телевизора внезапно и резко зазвучала финальная сирена. Отец открыл глаза и в это же мгновение Олег нажал на спусковой крючок.

Оглушительно грохнуло. Олега швырнуло назад. Пистолет вылетел у него из рук. Привстав, он увидел отца, неестественно распластавшегося поперек кресла, тяжело и неуклюже оседавшего на столик.

На обоях напротив расплывалось жирное багровое пятно. Из опрокинутой бутылки, булькая, потекла на пол прозрачная жидкость. По полированной поверхности стола от головы отца побежали вязкие вишневые ручьи, дробно закапали, проливаясь на линолеум пола. Олег лежал совсем рядом. Брезгливо отдернул ногу, не желая запачкаться.

Вбежала мать. Громко и страшно закричала при виде мужа, бросилась к лежащему на полу сыну. Тот был абсолютно спокоен. Сыночек, господи, ты как, что это, сынок. Да как же это, сынок. Да что же это.

Все хорошо, мама. Да что же хорошего-то, а, сынок? Все хорошо. Теперь тебя никто не тронет. Да как же нам быть теперь, сынок? Он сам, мама. Он виноват. Не надо было. Сынок, да как же так, о господи? Он сам, мама. Он сам.

В дверь продолжительно звонили. Она тяжело привстала и пошла на звонок, зажимая рукою рот, а другой опираясь о стену, точно слепая. Он сам, мама, повторял Олег, глядя на отца. Пистолет валялся в углу. Он ногой подтолкнул пистолет поближе — чтобы тот оказался как раз под свисающей с кресла рукой. Только что она была сухой и цепкой, а теперь болталась безвольной плетью. Выбитое на тыльной стороне отцовской ладони холодное солнце Севера погружалось в бескрайнюю водную гладь — теперь уже окончательно и бесповоротно.

Никогда в их доме не было столько народу, как в следующие несколько дней. Им сочувствовали все — соседи, бригада скорой, отцовские сослуживцы и милицейский дознаватель, коротко отметивший в рапорте «самоубийство». Окружающие гадали о мотивах и привычно сокрушались — надо же, такой молодой. Жить бы и жить. Семья тихая, приличная. Жена, сын, работа. Квартира своя отдельная. Живи не хоч. И чего только людям не хватает?

Начальник отряда, статный седовласый человек в сером костюме, вкрадчиво убеждал мать — да ведь я ему столько раз предлагал, иди учись. Оплатим. Обучим. Повысим. У него же неполное среднее. А он... Чего, говорит, я на этой учебе не видел? Все и так знаю. Все университеты на Севере с отличием окончил. Вот те, кто пообразованнее, и обходили его. Ну, вы же сами понимаете, какой он человек... был. Да если бы я знал, что так выйдет. Да кто ж знал, кротко отвечала мать.

Когда все закончилось, Олег понял, что их квартира перешла в иное качество. Она стала непривычно просторной и очень, очень тихой. Ему это нравилось. Изменился и взгляд матери. Она по-прежнему смотрела на него с любовью, к которой теперь примешивалось нечто непривычное. И это ему тоже нравилось.

Новое чувство в ее взгляде могло напоминать страх, но было больше банального страха. Мать смотрела на Олега с боязливым любопытством, словно хотела понять его заново, но больше не могла проникнуть ему в душу. Он догадывался, что это было за чувство. О нем то и дело спяну твердил отец, который так и не смог добиться его от окружающих. Уважение — вот что читалось в глазах матери. И в ее словах тоже.

— Может быть, нам переехать? — спросила она его, — как ты думаешь, сын? Все-таки здесь как-то...

Он обвел взглядом большую комнату. Ничто не выдавало следов произошедшего. Линолеум давно замыли, столик начисто оттерли, обои переклеили. Зачем?

— Зачем? — спросил он. — Большая квартира. Одна комната твоя, вторая моя, в этой будем собираться, а на кухне есть. Если обменивать, нужно долго искать, на что. Тебе менять работу, мне — школу. Зачем? Хорошая квартира.

— И то верно, — согласилась мать. — Будем жить, как ты сказал. И опять посмотрела на него по-новому.

Чем дальше, тем больше людей будет смотреть на него именно таким взглядом. Конечно, пока он не мог этого знать.

***

Это только кажется, что в древних идеях есть тайна. При внимательном рассмотрении выясняется, что за ними стоят те же люди, что и сегодня — с такими же интересами, как сейчас. Чудаки-историки носятся с берестяными грамотами, как будто в них может быть особое знание. Смешно.

Он видел несколько истлевших образцов в музее и ознакомился с содержанием. Команда лингвистов разобрала частокол странных похожих на руны букв, нарезанных без пробелов, и обнародовала переводы. Что же там было? Упреки в невыполнении заказа, требования уступок, просьбы о денежном вспоможении, угрозы наслать «отроков» — тогдашних судебных приставов... Все как сегодня. Все как всегда и везде. И у древних китайцев — то же самое.

В дверь позвонили. Олег никого не ждал. Он планировал дочитать «Искусство Войны» и даже надел привезенное из Шанхая кимоно. Ему хотелось понадежнее впитать древние тезисы, неожиданно оказавшиеся актуальными.

Сейчас он финализировал 27-ю стратагему. Надень личину глупца перед тем как действовать. Вынашивай тайком свои планы и готовься к их воплощению. Согнись, чтобы потом выпрямиться. Сформулировано так, словно Сунь-Цзы трудился в их банке на позиции менеджера среднего звена.

На последнем правлении Михаил Иосифович снова цитировал своих китайцев, а он сидел и кивал, как китайский болванчик. Однажды выйдет так, что они окажутся наедине. Предправления заведет разговор, но сразу к делу не перейдет. Он никогда не начинает по существу — старая школа. Заходит издали, прошупывает собеседника. Наверняка заведет речь о Востоке, а я не смогу поддержать полноценный диалог. Это недопустимо.

Стратagemы Олег своими словами переписывал в блокнотик. Без подробностей, только суть. Он где-то вычитал, что мелкая моторика улучшает мозговые характеристики. Отдельно под большими печатными буквами ВЫУЧИТЬ фиксировал цитаты.

Он заметил, что цитаты производят хорошее впечатление. Но еще нужно знать, когда их лучше вернуть. За один разговор с равными по положению в банке он решил произносить от силы две цитаты, а если с руководством — то максимум одну. Высший пилотаж — произнести ее с намеком, что это когда-то сказала само руководство, а ему сейчас к месту вспомнилось. Зато подчиненным можно отгружать эти премудрости хоть по дюжине за совещание. Так сказать, в порядке тренировки на мышах.

За дверью стоял Семенов. Сосед сверху.

— Ну, здравствуй.

Идиотское начало. Ну — баранки гну. Он, кажется, филолог. За солью, что ли, пришел?

— Здравствуй.

— Я... войду?

Не существует идеи, которую нельзя выразить одним предложением. Но этот так не может. Ему нужно украсть время.

— А что у тебя? Я вообще-то работаю.

Олег не двигался с места и дверь перед Семеновым шире не открыл. Так и стоял в кимоно в дверном проеме.

— Каратэ занимаешься? — Семенов кивнул на кимоно.

— Ты это хотел узнать?

— Да я к тебе по делу.

— Что за дело?

Фигура в кимоно не двигалась с места. Семенов уже жалел, что пришел. Ему с самого начала не нравилась идея жены. Но в чем-то она права. Если он собирается заняться бизнесом, то сейчас удачный момент отточить свое переговорное мастерство. Слабо, Семенов, воодушевить Опарыша? Нет? Тогда вперед! Семенов сделал глубокий вдох и пошел в атаку.

— Ну, здесь так здесь. Тогда я сразу к сути. Короче, открываю бизнес. Ты, наверное, в курсе, что я филолог и переводчик. Романо-германская филология. Короче, учреждаю контору по переводам книжек и литературы по бизнесу. Бизнес-план прикинул. Тут, короче, выжимка.

Семенов чувствовал, что надо излагать как можно более сжато и этими «короче» подгонял, подстегивал себя. В итоге получалось длиннее. В его руках появился исписанный листок.

— Короче, здесь — сколько народу нужно на старте, по минималке. Еще бухгалтер и девочка отвечать на звонки. Тут аренда. Мы продумали маркетинг. Маленькие рекламки в газетах, сами все сделаем, а это цены за размещение. Обегу, короче, крупные конторы с презенташкой — попредлагаю услуги фирмам и нашим. Как побочка — синхрон-переводы на конференциях, семинарах, выставках. Короче, по моим понятиям, должно пойти.

Олег не проронил ни слова. Он слабо разбирался в музыке, не любил поэзию, был равнодушен к живописи, а философов втайне считал хитрыми мудаками, которые морочат людям голову. Он не верил в Бога, хотя уважал религию как изобретенный гениальными жуликами и отполированный веками практики инструмент управления массой. Он презирал женщин, считая, что они постоянно и безуспешно пытались его обмануть. Он плохо переносил алкоголь, но был вынужден изучать свойства и марки вин для эффективного общения с руководством.

У него был другой талант, редкий и несомненный. По исходившим от собеседника тончайшим флюидам он безошибочно определял — сейчас у него будут просить деньги. Порой это понимание приходило к нему до начала разговора. Он видел это по фигуре своего визави. По неуверенным движениям рук, виноватому положению головы, неестественной мимике, блеску глаз. И не существовало для Олега проступка более тяжкого, чем этот.

Он был хоть и начинающим, но ревностным и верным жрецом денег, этой древней священной силы. Деньги, символ его веры, знак его могущества, его крест, его скипетр и державу, его вино и просфору собирался осквернить грубый язычник в своих темных обрядах.

Мать говорила, если человек — ноль, то он все умножит на ноль. Нет для денег более страшной силы, чем ноль. Поставь справа — ты огромен. Поставь слева — ты жалок и нищ. Прибавь ноль к деньгам — ничего не случится, а умножь... Семенов умножил себя на ноль. Он исчезал на глазах Олега. Обваливался, как снеговик в оттепель. Осыпался, как штукатурка на его засраной лестничной площадке. Осталось насладиться короткой агонией и с соблюдением положенных приличий предать труп земле.

— И при чем тут я? — с холодным безразличием спросил Олег, а сам уже заранее слышал ответ. «Ну, Олег, это самое... короче, в общем, посчитал, так и так, в целом немножко на старт не хватает. Ты же вроде в финансах шарить, в банке работаешь. Там, типа, кредиты... поддержка малого бизнеса... короче, может, прямо у тебя смогу перехватить по-соседски? Сумма, в общем, не так чтобы большая. Я же здесь, никуда не денусь. Знаем друг друга столько лет. Там, если расписку, то я напишу...».

Воображаемый сбивчивый монолог Семенова пронесся в мозгу Олега, и он уже смаковал свой отказ. Холодный, чеканный, железно мотивированный отказ, который шлагбаумом опустится на неотесанную Сёмину башку и заставит его переминаться с ноги на ногу, тупо пялясь на свои уродливые тапки, потому что слов у него не будет.

Потом он выдавит «я, эта, как бы пойду тогда» и еще что-нибудь такое же бессмысленное — «ну... ты извини, я подумал... ладно, будь здоров, что ли». Затем привычно занесет пятерню для пожатия, передумает, засунет ее в карман, снова вытащит, посмотрит на нее. Развернется вокруг своей оси медленно, как круизный лайнер, и поплетется побитым псом в свою конуру закатывать губу и хоронить наполеоновские планы.

Там его поджидает красавица Лена, которая его ко мне и отправила. Он ей в красках расскажет, какой я гребаный гондон. Она будет поддакивать, утешая несостоявшегося воротилу бизнеса. И каждую секунду этого вечера и многих следующих вечеров она будет помнить о том, что она — жена жалкого лузера, опущенного гребаным гондоном.

Все это вспыхнуло в мозгу Олега за доли секунды. Отсвет этой вспышки увидел и Семенов.

— Абсолютно ни при чем, извини — ответ Сёмы, сказанный неожиданно приветливым тоном, привел Олега в замешательство. — Я пойду. Ты и правда занят, а я тебя оторвал. Сорри за беспокойство.

Семенов приветливо махнул рукой и зашагал вверх. Феноменальный талант Олега дал осечку. Его дискомфорт был сродни тому, что должны испытывать промахнувшийся снайпер или сфальшививший виртуоз. В груди вспыхнуло раздражение. Чтобы скрыть его, Олег заговорил с расстановкой.

— Если ты. Чего-то хотел. Так скажи, чего. Ты хотел.

Семенов, уже поднявшийся на середину пролета, резко повернулся на пятках дырявых тапок. Он улыбался! Олег не мог отвести взгляда от этой улыбки. Семенов приблизился вплотную.

— Как скажешь. Я шел попросить у тебя денег на свой бизнес, потому что мне эта идея не казалась такой уж дурацкой. Ты — банкир, состоятельный человек. Я — нет. Ты твердо стоишь на ногах и знаешь, чего хочешь. Я — пожалуй, нет. Ты в материальном смысле уже добился многого. Я — к сожалению, нет. Но эти рациональные рассуждения моментально улетучились, едва я тебя увидел. Дело в том, что мы с тобой давно не сталкивались лицом к лицу. Я видел тебя издали, со спины, в машине — и у меня сложился твой образ. Он самодостаточный и успешный. Я шел просить денег у образа, а увидел тебя. И сразу передумал. Я вдруг понял, что твои деньги — это все, что у тебя есть. Это твоё последнее. В сущности, сколько бы у тебя их ни было, это твоё последнее. А последнее просить нехорошо. Вот я и передумал. Еще раз извини за беспокойство.

Семенов повернулся и снова стал подниматься к себе, в свою гордую конуру. Олег смотрел ему вслед, не мигая. У своей двери Сёма обернулся:

— Знаешь, Гость всегда говорил, что ты говноед, а я тебя даже защищал — типа, ты нормальный, только забитый. А сейчас понял, что дерьмом-то от тебя пованивает. У него просто нюх тоньше.

Олег побледнел.

— Твоему Гостю нужно ходить и оглядываться. А то не сильно загостится. Так и передай, — процедил он и хлопнул дверью.

— Он такой же мой, как и твой, — крикнул Семенов, толкая свою дверь. Что это было? Опарыш угрожающий? Такого он еще не видел.

***

— Присаживайтесь.

— Спасибо, Михаил Иосифович.

— Олег... Анатолевич?

— Если вам удобно, просто Олег.

— Что же, Олег. Не буду ходить вокруг да около. Ты у нас на приличном счету. Сильный сотрудник. Как, впрочем, и другие сотрудники нашего банка. Слабых здесь нет и быть не должно. Согласен?

— Как вы сами говорили, империю делают сильной простые солдаты.

— Ну, если цитировать Хагакурэ дословно, то лучше так — даже слабую империю делают могущественной простые солдаты. Но империя у нас отнюдь не слабая, а ты не простой солдат, а офицер. Амбициозный офицер. Между тем, нас только что покинул один из зампредов. Да ты, наверное, уже в курсе.

— Так точно.

— В армии ты не служил, насколько мне известно. Здесь не армия, впрочем, дисциплина у нас железная. Так вот. Я знаю, что ты способен на большее, чем руководство плановым управлением. Достоин куда большей компенсации.

Представь себе на минутку — не родительская квартира в старой крупнопанельке, а пентхаус в самом центре. Пусть даже съемный. Пока. Спорткар в подземном гараже. Более чем внушительный соцпакет. Ну и далее по списку. Это все, замечу, твердо прописано в трудовом договоре.

Какие к этому могут быть препятствия? На место зампреда нацелились люди не менее амбициозные и умные, чем ты. Иначе и быть не может. У нас здесь естественный отбор. Так вот. Нужно доказать, что ты самый лучший. Ты понимаешь?

— Понимаю. Нужно доказать. Но как?

— Отличный вопрос, Олег! Ты сам как думаешь? Не спеши с ответом. Время на размышления у тебя есть. Немного, но есть.

— Я вас внимательно слушаю.

— Мы, как ты знаешь, сейчас проводим активную экспансию. Есть предприятия, представляющие особую ценность. Я бы сказал — стратегическую. Но пока эти активы не наши. Часть из них готова перейти к нам при объективных обстоятельствах. Часть — при соблюдении условий субъективного порядка. Попросту говоря, есть контролирующие эти активы люди, от которых многое зависит. Кого-то из них мы... уговариваем. Но есть несколько юридических лиц, руководители которых заняли по отношению к нам крайне неконструктивную позицию. Это вызывает растущее непонимание наших акционеров. Которое уже сменяется недовольством по поводу стиля руководства банка. А это недопустимо. Понимаешь?

— Понимаю.

— Так вот. За этими особо сложными активами стоит одна и та же группа компаний «Гарант». Тебе о ней что-нибудь известно?

— Первые две буквы — Г и А — это Гостев Андрей.

— Насколько я знаю, ты знаком с ним лично. Так ли это?

— Мы с ним жили в одном дворе. Собственно, я до сих пор там живу. Знаю, что он... авторитетный предприниматель. Теперь проживает где-то в центре.

— Я сейчас приглашу сюда еще одного человека. Тебе его представлять не надо — это руководитель нашей службы безопасности. А ты мне и ему расскажешь все, что знаешь про этого Гостева. Привычки. Психотип. Увлечения. Пристрастия. Странности. Слабости. Все, что тебе известно, изложишь как можно детальнее и под запись. Готов?

— Так точно.

— Ну-ну. Говорю же, мы не в армии. Просто води себя естественно, и все будет хорошо. И помни — мы международная банковская группа с безукоризненной репутацией. А этот Гостев

— просто бандит. Мы все и всегда делаем по закону. Исключительно по закону. Олег, скажи, ты меня точно понял?

— Предельно точно, Михаил Иосифович.

— Ну и замечательно.

***

Рассказывали, что Гость «приподнялся» — купил большую квартиру в центре, а по городу перемещался на черной Х5. Постоянной подругой его стала местная мисс, с которой его видели то в ресторане центрального отеля, то в вип-зале аэропорта. Бригада Гостя держала рынок, владела сетью супермаркетов, контролировала несколько строительных организаций.

Изредка Семенов замечал авто Гостя во дворе — тот приезжал в дом детства провести отчима. Ветеран коротал свои дни в старой квартирке в их доме. На ее лоджии они с Гостем в незабвенные школьные времена вертели самокрутки, гоня по кругу единственный и неповторимый альбом Sex Pistols.

Тем далеким летом Гость объявил, что есть только панк-рок и загорелся собрать группу, в которой видел себя вторым Сидом Вишезом. Он даже внешне был похож — рослый, мрачный, со стальной цепью на шее, нечесаными волосами и кулаками со сбитыми костяшками. Разве что не торчал. А вот Семенов совсем не тянул на Джонни Роттена. Настоящих буйных мало.

— А ты разве умеешь на басу? — Семенов живо представил, как они с городской эстрады, где по праздникам оркестр пожарной части играл вальсы, заряжают Anarchy In The UK для беснующейся толпы. Идея была классная.

— А Сид Вишез разве умел?

Возразить на это было нечего.

Визиты Гостя к отчиму были редкими, непредсказуемыми и молниеносными, но на день ВВС он навещал старика непременно — для отставного боевого майора это был главный праздник в году. Гость рассказывал, что любимейшим фильмом отчима был «В бой идут одни старики», а первым тостом — будем жить. Может быть, это пожелание распространяется только на летчиков.

Семенов курил на балконе, разглядывая тачки во дворе. На общем фоне выделялась Х5 Гостя. По сравнению с приютившейся рядом жалкой вишневой девяткой она выглядела особенно грозно и дорого. День ВВС, вспомнил он.

В подъезде Гостя неожиданно застрекотали перфораторы. Звук был странный — резкий, картонный. И разом стихли. Дверь распахнулась, оттуда выскочили двое, прыгнули в девятку и рванули с места, на ходу захлопывая двери. Оцепенев, Семенов смотрел, как трепетали листья тополей под порывами ветра — точно так же, как минуту назад.

Дотлела и погасла в пальцах сигарета. Комочек пепла сорвался и рассыпался на ветру. Семенов не двигался с места, вглядываясь во двор, как бессонный пассажир купе — в детали незнакомой станции, у которой поезд сделал минутную остановку.

Затем мир медленно тронулся дальше, наращивая ход и навсегда оставляя позади Гостя, уже терявшегося в снежных вихрях времени. И не изменят это неумолимое движение ни пронзительные женские крики внизу, ни заунывный вой скорой, ни отрывистое рывканье милицеских мегафонов.

***

Он заруливал во двор, когда перед машиной вырос милицейский сержант и палкой показал сдавать назад. Олег опустил стекло.

— В чем дело?

— Въезд перекрыт. Работает следственная группа. Следуйте другим маршрутом.

Он и сам увидел перетянутые поперек и наискосок ярко-желтые ленты. За ними сновали люди в униформе и толпились обыватели. Поодаль стояла «буханка» милиции с включенными маячками.

— Я здесь живу. Паркуюсь вон там.

— Паспорт.

Изучив прописку, сержант вернул паспорт.

— Советую припарковаться в соседнем дворе. Понимаю, машина красивая, — он окинул сияющую «Камри» взглядом знатока, — но следственные действия затянутся.

— Что там случилось?

— Убийство. Разборка прямо в подъезде.

— В каком подъезде?

— В третьем.

— И что же... труп?

— Один. Коммерс. Говорят, крупный.

Сержант не стал бы давать пояснения первому встречному, но владелец «Камри» в темно-синем деловом костюме, белоснежной сорочке и дорогом галстуке выглядел начальственно, да и вел себя соответствующе.

— Ясно, — стекло бесшумно поехало вверх. «Камри» плавно сдала назад.

Припарковавшись, Олег медленно зашагал к дому. Деньги — это про смерть, думал он. Еще предстоит открыть великое уравнение, в левой части которого окажутся деньги, а в правой — смерти.

Средневековые алхимики пытались извлечь из свинца золото, но слишком буквально понимали задачу, размышлял он. Все просто. Для приличного количества золота нужно совсем немного свинца. Зеваки во дворе стали свидетелями сеанса алхимии — не книжной, а настоящей, заполучившей еще одну жертву.

Современные религии отказались от жертвоприношений, практиковавшихся веками. Они говорят, что стали гуманнее, усмехнулся он своим мыслям. Какая чушь. Церкви смягчи-

лись в той мере, в какой стал бы милосерден немощный и слабоумный старичок-маньячок — в прошлом кровожадный серийный убийца, растерявший ныне остатки волос и последние зубы.

К чему самообман, думал он, отпирая квартиру. Мир не стал гуманнее, просто статус новой религии перешел к деньгам. Вы разве этого не заметили? За привычными фасадами прежних верований прячется Новая Церковь Денег. Эта конфессия ничем не хуже других, но есть важное отличие — она молодая и жадная. Ей нужны настоящие, а не символические, жертвы. Она требует не вина, но крови. Ее жрецы не фальшивят, а веруют истинно и служат истово. Они сами готовы лечь на алтарь ее храма.

Сегодня эта церковь приняла очередную жертву из многих тысяч, да что там — миллионов. Так к чему весь этот шум? Вы говорите, что это преступление. Мы называем это свидетельством Силы. И чем больше таких жертв, тем могущественнее Сила новой религии, заключенная в банкнотах, слитках и цифрах, мелькающих на экранах банковских мониторов.

Так размышлял Олег, стоя у раковины и разглядывая себя в зеркало. Ласковая вода струилась, смывая пену с его рук, а он подносил их к носу, чутко принюхивался и снова намыливал, и снова смывал — и так раз за разом, пока не осталось на них никакого другого запаха, кроме утонченного аромата мыла, изготовленного вручну.

***

Семенов почти не включал телевизор — разве что канал с городскими новостями, предсказывавший погоду. Там он и увидел Опарыша. Тот занимал почетное место в студии, интерьером напоминавшей операционную комнату. Ведущий явно заискивал перед гостем. Речь шла об инвестициях опарышева банка в промышленность.

— Вы упомянули также фабрику. В ее поддержку ваш банк планировал направить весомые средства, — вкрадчиво напомнил ведущий.

— Совершенно верно, — банкир сдержанно улыбнулся. Лестный тон ведущего ему не мешал. — Если только формат и хронометраж нашей встречи позволяют, я готов озвучить основные направления в рамках общегосударственного тренда по поддержке отечественного производителя, реально — я подчеркиваю, реально осуществляемые возглавляемой мной кредитной организацией.

Подчеркивая реальность, гость направил в потолок указательный палец. Палец был узкий и длинный, как директорская указка. Ведущий замахал руками — что вы, ну какой хронометраж? Оратор едва заметно кивнул и продолжил:

— Как вам должно быть хорошо известно, руководство государства в лице лично Первого Лица утвердило магистральное направление по неуклонному развитию мер в рамках программы импортозамещения. В русле вышеуказанных решений мы, разумеется, не могли не остаться в стороне, а напротив, самым активным образом включились в разработку, не побоюсь этого слова, концептуального характера. Еще в бытность свою зампредправления мною было озвучено безотлагательное поручение нижестоящим подразделениям всемерно сфокусироваться на данной задаче, считая ее важнейшим приоритетом для банка в частности и отрасли в целом. Не могу не отметить, что в реалиях общегосударственной повестки кейс фабрики служит подтверждением устойчивого тренда на успешную реализацию озвученных выше руководящих инициатив в практической плоскости.

Мерно кивая, ведущий погружался в транс. Глаза его сделались стеклянными. Зрачки банкира, наоборот, сузились, сфокусировавшись на невидимой задаче. Губы мерно двигались, чеканя фразы.

Его слова меньше всего напоминали юрких воробьев из поговорки. Выступающий производил ртом однотипные блочно-модульные конструкции, в железном порядке заполняя ими пространство эфира. Скоро студия была под завязку укомплектована казенными тезисами, словно офисной мебелью, но финансист неумолимо штамповал все новые и новые сложносочиненные предложения.

Иные шаткие словесные сочленения он умело поправлял жестами. «Мы собираемся повысить...» — рука шла вверх. «Самое главное, и я настаиваю на этом, предельная точность во всем...» — большой и указательный пальцы превращались в откалиброванный штангенциркуль, в проеме которого показывался требовательный зрачок оратора. «Общность взаимных интересов переплавляется в, что называется, единство мнений...» — вырвавшаяся из накрахмаленной манжеты растопыренная ладонь оборачивалась жилистым кулаком.

Монолог затягивался. Поблек лощеный интерьер студии. Ведущий сник и будто составил. Опарыш на глазах наполнялся его жизнью, как москит — кровью.

Наконец банкир умолк и сложил губы уточкой. Лицо его приобрело мечтательно-самодовольное выражение. Казалось, он созерцал собственные подвешенные под потолком фразы, любуясь каждым произведенным звуком.

Семенов понимал, что пора оторваться от экрана, но не мог отвести глаз. Как Хома Брут перед Вием, мелькнула мысль. Надо бы круг на полу начертить, да мела под рукой нет.

— Первым станет, — сухо заметил он жене, сидевшей рядом. Ведущий, казалось, услышал его слова и вышел из транса, щурясь и моргая. Вид его был жалок.

***

Олег полистал план оптимизации фабрики. Пробежался больше для проформы, потому что порядок действий был выверен в десятках схем.

Широкими мазками было намечено учреждение АО; введение в число учредителей подконтрольного банку офшора на Кайманах; собрание акционеров с назначением нового генерального и замов; консолидация счетов в новом АО и перевод всех финансовых потоков в банк...

Возражения? Никаких. Что там еще?

...Выделение прибыльных подразделений в отдельную структуру; распродажа услуги, побочки и социалки; избавление от всего, что не приносит прибыль прямо сейчас...

Нормально. Он называл это «выковырять изюм и выкинуть булку».

...Пересмотр договоров; сокращение на четверть персонала; уголовные дела на бывший менеджмент на случай непоступления значимой коммерческой информации; учреждение офшора — держателя прав на интеллектуальную собственность...

Тоже ОК. На фабрику важно повесить как можно больше официальных расходов. Нужно, чтобы прибыль еле дышала, а лучше — болталась в легком минусе. Тогда ТАМ вопросов не будет, да и субсидии из бюджета на поддержку отечественного производителя никто не отменял.

Все? Пока нет.

...Установление 3-месячного моратория на оплату любых поставленных товаров и услуг; введение новой системы закупок, превращающей в ад любое приобретение дороже коробки скрепок; оплата счетов в течение 90 календарных дней...

Это непременно и обязательно. Каждый день отсрочки платежа делает банк немного богаче, а подрядчика — немного беднее. И ведь ничего не надо делать: просто не платишь, и все. Жаль, что нельзя оплачивать счета раз в год. Например, перед Новым Годом. Так сказать, в качестве новогоднего презента.

Ну и ритуальная косметика. Покойница обязана выглядеть подобающе. Он набрал тому же дизайнеру, кому всегда заказывал ритуалку. Когда трубка назвала цену, присвистнул:

— А ты не охренел? Золотом мне решил логотип выложить? Да я сейчас щелкну пальцами и полгорода сбежится рисовать за один процент от твоего бюджета.

И пока трубка отрывисто и с легким интеллигентским матерком аргументировала цену, уже записывал многозначное число в блокноте, окружив его двойной рамочкой. Сбоку приписал — без %. Подумав, добавил восклицательный знак.

А вы как думали? Носителей похожих ценностей надо ценить и беречь. Таких людей, как он сам или этот дизайнер, — их же по пальцам на одной руке пересчитать можно.

Написал в чат помощнику:

— План норм. Запускай в работу.

Теперь домой. Он спускался в подземный гараж, а где-то уже пришли в движение сотни маленьких опарышей. Вертясь и извиваясь, они внедрялись в тело фабрики, еще хранившее привычные внешние очертания, но внутри постепенно менявшееся до полной неузнаваемости.

***

После ухода жены Семенов впал в кому наяву. Детей у них не было, поэтому в его жизни осталась работа и одинокие вечера, которые он старался занять заказами. Работа заполняла вакуум, возникший после развода. Переводческая контора, где он трудился, перебивалась с середины на половинку, но он ценил ее за приятную семейную атмосферу и не искал ничего другого.

Свободное время Семенов посвящал сериалам, чтению и неспешным прогулкам по ухоженному городскому центру. С женой они иногда путешествовали, но в одиночку ему не ездило. Он больше не видел в путешествиях смысла — как и в занятиях спортом, йогой или, чего доброго, единоборствами. Окрестные фитнес-клубы не оставляли попыток заполнить Семенова в свои сети, но он обходил их стороной.

Мелкая суэта будней отвлекала от мыслей об одиночестве, ставшем его новой ночной реальностью. Проснувшись в темноте, он часами смотрел в серый потолок, освещенный привычным светом дворового фонаря, не в силах ни встать, ни заснуть снова. Смерть ходила, сужая круги, неумолимая и неизбежная. словно надвигающееся землетрясение, она безотчетно тревожила именно ночами, будто хотела заранее предупредить о себе. Семенов обмирал, как животное в горную грозу, чувствуя потребность прижаться к другому такому же телу, обхватить его как можно крепче и так спастись. Но он был один — в своей постели, в своем доме, в своей жизни.

Все тревоги от несовершенства, думал он. Одиночество — вот удел сильных и путь просветленных. Он где-то вычитал, что всего лишь час ежедневных размышлений способен преобразить человека — открыть глубоко спрятанные способности, явить предназначение, распахнуть себе и миру истинное «я». Много лет подряд он был уверен, что где-то в глубине его души дремлют сокровища, вот только проклятая суэта мешает заняться самосозерцанием и наконец дотянуться до них. Ах, если бы уединиться от мира в тайную пещеру, чтобы вести там строгую жизнь отшельника и день за днем погружаться в чертоги разума, направляя взор пытливого ума на исследование Внутренней Вселенной!

Теперь в его распоряжении оказалось сколько угодно одиноких часов, однако в чертогах разума обнаружились лишь пустота и холод. Быстро выяснилось, что его чертоги — это скудно меблированная съемная комната с пошлыми обоями, по которой разгуливает сквозняк чужих случайных мыслей, а вместо льющих из космоса божественных мелодий доносятся невнятные обрывки давно приевшихся хитов.

Одиночки нередко находят себя в социальной жизни, благотворительности или общественной активности — но и это была не его история. Из новостей Семенов следил разве что за прогнозами погоды, а политику считал уделом людей суетливых и низких. Человеку приличному в политике делать нечего, объяснял он сослуживцам, даже если речь заходила о значимых событиях — таких, как эпизоды бесконечной войны, тлевшей на периферийных землях, или неожиданное для всех избрание Опарыша Первым Лицом. В своих воззрениях Семенов не был одинок: в кругу «приличных людей» политически активные индивидуумы воспринимались как фрики и отторгались.

Между тем политика все весомее, грубее и зримее вторгалась в жизнь «приличных людей». Еще недавно она была подобна ветру, гулявшему в невидимых с земли высоких сферах. Нынче политика с грацией носорога ступала по тем же улицам, по которым прогуливался Семенов. Не к кому-то, а лично к нему обращалась она деревянным языком казенных слогов. Не кто-то, а он и другие «приличные люди» стали объектами ее пристального внимания к тому, что они читают, где гуляют, сколько и на какие цели расходуют, каким образом и на что реагируют. Политика внезапно стала учитывать настроения, действия, доходы и расходы простых людей с дотошностью педантичного главбуха Аушвица.

Политика не скупилась на технологии, анализирующие мельчайшие детали их жизней. На основе этих данных начислялись хитроумные баллы. Прилежных собирателей социальных очков власти поощряли. Счастливчики с высокими показателями могли рассчитывать на работу в госорганах, повышение по службе, мягкие условия по кредиту в банке или беспроцентную похоронную ипотеку.

Получить высокий балл было совсем несложно — ничего не нарушай, потребляй рекомендованные инфопродукты, корректно на них реагируй, а главное, исключи контакты с «токсичными». Так теперь называли обладателей низких баллов, неуклонно погружавшихся в социальную тряси́ну. Они были сами виноваты — ведь их никто не принуждал быть токсичными. Кстати, балл любого человека в секунду выяснялся по номеру телефона, в обязательном порядке привязанного к ИНН и пенсионному счету.

До недавних пор «приличным людям» нравилось думать, что они выют себе уютный кокон из славных привычек, приятных мелочей и милых глупостей, никому, в сущности, не мешая. Теперь политика просвечивала их коконы фонариком, проверяла пинцетом, переворачивала и трясла, выясняя, сколько обитателей прячется внутри и чем именно они там заняты. Она вела себя так, будто задалась целью установить, насколько «приличные» люди на самом деле приличны.

Вы с нами или против нас? Определитесь, — настаивала политика. «Приличные» люди надеялись мирно дожить до старости, избегая подобного некомфортного выбора. Они полагали, что смогут просуществовать между струйками, но зазоры внезапно сделались узки. Мир утрачивал привычный уют. Семенов когда-то шутил, что главным недостатком его жизни была ее предсказуемость. С определенных пор самой предсказуемой частью жизни людей его круга стало тихое отчаяние.

Семенов слышал, что некоторые знакомые его знакомых неожиданно для всех пришли к окончательному решению. Услуга эта, как говорили, была хорошо организована и при желании даже бесплатна. Он яростно отрицал такую возможность для себя, не понимая, что уже встал на этот заботливо приготовленный для него путь. Ярость — всего-навсего первый этап принятия окончательного решения.

Его тихое отчаяние между тем накапливалось в нем незаметно, как радиация, пока однажды не перешло невидимую важную черту, внезапно и резко изменив всю его оставшуюся жизнь.

***

Он толкнул дверь и вышел в солнечный свет. Таким всепоглощающим солнце бывает только в снах. Яркие лучи заливали двор — полностью безлюдный, если не считать Гостя, чеканившего мяч в футбольной коробке. Семенов помнил, что Гость давно нет в живых, поэтому спешил перекинуться хотя бы парой слов.

— Привет, — перемахнув через бортик, занял место в воротах. Гость кивнул, продолжая чеканить. На его лицо падала тень, но Семенов-то знал, что это Гость. Давненько они не виделись.

— Ты бить собираешься? Или так и будешь тихо сам с собою? — крикнул Семенов, вставший на воротах наизготовку — ноги в полуприседе, руки в перчатках ладонями вперед.

Гость подхватил мяч, молча поставил его на точку, сделал несколько шагов назад, разбежался и сильно пробил низом. Семенов бросился влево, вытягиваясь по-кошачьи, и цепко схватил мяч в самом углу.

— Врешь, не пробьешь! — крикнул он весело.

— Что ж ты раньше так не прыгал? — ворчливо поинтересовался Гость.

— Раньше было раньше. Бей давай, — Семенов отправил Гостю мяч. Тот разбежался.

Удар был сильный, да еще крученный — но Семенов каким-то образом заранее знал, что мяч по дуге понесется туда, где правая стойка встречается с перекладиной. Не просто знал, а уже летел наперерез в длинном диагональном прыжке, любясь своим полетом, радостно удивляясь ему. Он не оставил Гостю ни единого шанса на гол. Вытянутыми руками в перчатках ловко перехватил мяч. Удачно приземлился на траву, крепко прижимая пойманный мяч к себе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.